

БЕРНАРД ШОУ

*Три способитъ
миръ къ себѣ*

СОЦИАЛИЗМ
ДЛЯ ДЖЕНТЕЛЬМЕНОВ

Весь мир

Джордж Бернард Шоу

Социализм для джентльменов

«Алисторус»

УДК 329
ББК 66.2

Шоу Д.

Социализм для джентльменов / Д. Шоу — «Алисторус»,
— (Весь мир)

ISBN 978-5-00180-646-2

Великий мастер парадокса, самый остроумный мудрец Британии, Бернард Шоу был не только драматургом, но и мыслителем, который едва ли не первым из западных интеллектуалов принял русскую революцию и считал Ленина и Сталина величайшими людьми на планете. Разумеется, наряду с самим собой. В этой книге он говорит от первого лица, а не от лиц выдуманных героев. Это самые честные признания и умозаключения Бернарда Шоу, а также, конечно, шутки, многие из которых стали крылатыми. А если вы их не слышали – обязательно прочитайте и возьмите на вооружение. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 329

ББК 66.2

ISBN 978-5-00180-646-2

© Шоу Д.
© Алисторус

Содержание

Предисловие	6
Послушай, ты, первый с конца!	10
Социализм для миллионеров	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Бернард Шоу

Социализм для джентльменов

© Замостьянов А., составитель

© Перевод с английского

© ООО «Издательство Родина», 2022

Предисловие

Сын алкоголика

Бернард Шоу оставался актером, лицедеем во всех своих проявлениях – и, прежде всего, как драматург и мыслитель, побивший все рекорды по цитатам в сборниках афоризмов и шуток. Его парадоксы стали вершиной знаменитого английского юмора.

Приведем лишь один из многих примеров: «В наше время те, кто выполняет самую тяжелую работу, оплачиваются ниже всего; у тех, чья работа полегче, и вознаграждение побольше. Однако больше всего получают те, кто ничего не делают».

Что касается происхождения Шоу – расскажу один старый и, кажется, почти достоверный анекдот.

– Вы и есть тот самый знаменитый юморист? А это правда, что ваш отец был портным?

– Правда.

– Так почему вы не стали портным?

– Трудно сказать. Призвание, а может быть, просто каприз. Ну вот, например, ваш отец, если не ошибаюсь, был джентльменом?

– Конечно.

– Так почему же вы им не стали?

Отец знаменитого драматурга был не просто портным, а ирландцем. Это тоже много объясняло в свободолюбивой натуре Шоу, не имевшего никакого отношения к лицемерным установкам викторианского общества. Впрочем, его отец, на самом деле, был достаточно предприимчив, но при этом страдал алкоголизмом. Словом, амбициозному Шоу приходилось рассчитывать только на себя.

Романист и рецензент

Зарабатывая на жизнь в телефонной компании, Шоу писал романы. Они даже выходили в свет, но ни славы, ни заметного заработка автору не приносили. Зато он имел успех как музыкальный критик газеты «Стар» – не всегда справедливый, нередко слишком язвительный, но явно владеющий пером. Он пообещал себе стать знаменитым – и каждый день аккуратно писал не менее пяти страниц.

Потом он участвовал в создании Фабианского общества, организации, из которой впоследствии возникла лейбористская – социалистическая – партия Англии. Шоу считали замечательным полемистом и одним из лучших политических ораторов Британии. Для многих он в те годы стал символом нестерпимого радикализма.

Интеллектуальный театр

В театр он пришел поздно. Первую свою пьесу – «Дома вдовца» – увидел на сцене в 36 лет. Она не снискала ажиотажного успеха, но за ней последовали новые постановки. И некоторые из них перевернули британское отношение к театру. Например, «Профессия миссис Уоррен», в которой честная девушка с ужасом узнает, что ее мать живет за счет публичных домов. Эту пьесу запретила цензура. Или «Цезарь и Клеопатра» – трагикомическое повествование о платонической любви старого римского политика и бесшабашной египетской царицей. История, пропитанная тончайшей иронией.

По его пьесам было очевидно: Шоу ненавидит капиталистов, пуритан, лицемеров. Один из его любимых приемов – открытый финал. Шоу не любил давать окончательных ответов, его любимый знак в финале пьесы – многоточие. Он виртуозно умел показывать двуличие современников, которые всю жизнь только меняют маски, за которыми теряется их истинное лицо. Пожалуй, это главная тема Шоу. Он создал свой театр – интеллектуальный, подчас – бессюжетный. Для театра Шоу потребовались и актера нового лада – и они нашлись. И в Англии, и в Германии, и в Советской России.

Он чем-то походил на Оскара Уайльда, своего современника, к которому относился не без уважения. Оба – драматурги, острословы, оба высмеивали закоренелые предрассудки, оба умели без конца говорить парадоксами. Правда, у Уайльда это получалось более салонно, а у Шоу – с чернозёмом, с сильным социальным подтекстом. Но остроты обоих завоевали мир. Шоу даже отстаивал перед Львом Толстым право человека на юмор в нашем несовершенном мире. «У него больше мозгов, чем следует», – примерно так отозвался яснополянский титан о британском остряке. И Шоу, наверняка, пришлось по душе такая аттестация.

Муж миллионерши

В 42 года, став уже известным драматургом, он решил завести семью и женился на Шарлотте Пейн-Таунсенд – социалистке и миллионерше. Это был свободный брак двоих единомышленников, в котором она прощала ему увлечения. Шарлотта всегда понимала: она – супруга гения. Кстати, Шоу говорил, что быть влюбленным – значит неподобающим образом переоценивать разницу между одной женщиной и другой. Иногда ему случалось попадать в эти сети.

История Пигмалиона

Ведь самую известную свою пьесу он написал в 1913-м – для актрисы Пэт Кэмпбэлл, в которую давно влюбился. Конечно, это «Пигмалион». Он перенес в современный Лондон канву древнегреческого мифа – и получилась комедия о том, как профессор фонетики превращает уличную цветочницу Элизу Дулитл в светскую даму. Пэт, конечно, играла Элизу. Пуритане ненавидели эту пьесу – за непристойные выражения, которыми бравитурет Элиза. Кстати, Шоу считал Кэмпбэлл гениальной актрисой, но роман их, главным образом, проходил в письмах. Жену он не оставил.

Оракул по имени Шоу

Он стал настоящей звездой. Даже его наружность знали миллионы людей – не только в Англии. Каждый день хотя бы в какой-то газете выходил портрет Шоу, его рыжую седоватую бороду знал весь мир. Худощавый, высокий, он стал живым символом сарказма. И оставался возмутителем спокойствия в душноватом буржуазном мире. Шутил он беспрерывно. Труднее всего было понять, когда Шоу иронизирует, а когда обличает. Его душа оставалась для публики тайной за семью печатями. Отточенное лукавство драматурга превратило его в современную модель дельфийского оракула. Его изречения и шутки каждый трактовал на свой лад.

Гордый нобелиат

Нобелевскую премию 1925 года по литературе Шоу присудили «За творчество, отмеченное идеализмом и гуманизмом, за искромётную сатиру, которая часто сочетается с исключи-

тельной поэтической красотой». Он поблагодарил за признание, но отказался от денег – хотя лауреаты полагалась крупная сумма.

Шоу заявил, что банковский счет, полагающийся лауреату, – это «спасательный круг, брошенный пловцу, который уже благополучно добрался до берега». Благодаря жене и пьесам, он стал состоятельным человеком и мог вести себя горделиво.

Гость Москвы

В 1931 году Шоу затеял путешествие в Советский Союз, к которому относился с надеждой с первых дней истории советской власти. Принимали его как настоящего гуру. Уже по дороге, на станциях, его встречали русские поклонники.

Только приехав в Москву, он принял с дороги ванну в «Метрополе», и немедленно потребовал, чтобы его отвели в Мавзолей. Шоу долго стоял у ленинского гроба. «Чистый интеллект-туал!», – таков был вердикт Шоу о Владимире Ильиче.

Потом, на московском радио, он записал речь о нем: «Если начатый Лениным эксперимент удастся, начнется новая эра. Если он не удастся, я покину этот мир в печали. Однако, если будущее таково, как его видел Ленин, мы должны радоваться ему и бесстрашно смотреть вперед».

В СССР он отметил 75-летие, произнес немало праздничных речей. В одной из них он заметил: «Мой отец пил слишком много, из-за этого я теперь я работаю слишком много. Товарищи, выполните свой пятилетний план за три года, и в будущем вам придётся работать меньше».

В стране большевиков ему не понравилось одно – музей революции. Разве можно прославлять бунтарей? «Немедленно закройте их – и откройте музеи закона и порядка. Вы же не хотите, чтобы в народе созрел мятеж против Сталина и свергнул правительство? Нужно беречь народную власть!». Как всегда, в его словах была доля шутки. Но только доля.

На прощальном ужине (вегетарианском!) нарком просвещения Анатолий Луначарский заявил, что за девять дней посещения Шоу понял больше, чем некоторые иностранцы за девять месяцев.

Старый озорник

Шоу любил прогресс. Рассуждал о полетах на Луну (и почти дожил до покорения космоса), в 75 лет занимался серфингом, рассуждал о равенстве мужчин и женщин.

После войны к власти в Великобритании пришли лейбористы – единомышленники Шоу, во главе с премьер-министром Клементом Эттли. Драматурга стали чествовать, награждать. Его хотели произвести в дворяне и присвоить старому бунтарю титул пэра. Он резко отказался. Согласился только на «невинное» звание почетного гражданина Дублина. А дворянские привилегии он всегда презирал – и не собирался изменять своим принципам.

До своего девяностолетия он почти не прибегал к услугам врачей, зато каждый день совершал долгие пешие променады. Их он не прекратил даже, оставшись вдовцом. К тому же, Шоу много десятилетий соблюдал вегетарианскую диету. Врачи, которые отговаривали его от нее, давно умерли.

«Хочу продолжать стареть»

Шоу был уже весьма стар и болен, когда один эскулап сказал ему:
– К сожалению, я не чудотворец, – сказал врач, – и не могу омолодить вас.

– Я не хочу, чтобы вы меня омолаживали, – серьезно ответил писатель, – я хочу только иметь возможность продолжать стареть.

Шоу шел 95-й год, когда, работая в собственном саду он упал – и через несколько дней умер. Помощница писателя, ухаживавшего за ним до последних дней Шоу, вспоминала: «Температура у него поднялась... он впал в забытие. Выглядел он в это время ужасно, и громко, не переставая, хрипел целые сутки. Но сердце работало превосходно до самого конца. У него было сердце льва. Доктор сказал, что это просто исключительно для человека его возраста».

Некролог для газет он сам о себе написал заранее. По завещанию писателя, тело его кремировали, а пепел развеяли в саду. Он не терпел банальной рутины даже на похоронах. Потомков он не оставил, зато пьес написал больше 60-ти, а острог – сотни. Недаром Шоу говорил: очень просто быть остроумным. «Просто, если вам в голову приходит глупая мысль – придумайте нечто противоположное».

Арсений Замостьянов

Послушай, ты, первый с конца!

Социализм для миллионеров

Класс миллионеров, – маленькая, но разрастающаяся община, к которой завтра же каждый из нас может, быть присоединен случайностями торговли – является классом, о котором государство заботится меньше всего. Насколько мне известно, это первый очерк, посвященный миллионерам. В известиях промышленности я нахожу, что все делается для миллиона и ничего для миллионера. О детях, мальчиках, юношах, мужчинах, дамах, ремесленниках и даже о пэрах и королях заботятся; но делать что-нибудь для миллионеров не стоит труда: их слишком мало. Тогда как даже наиболее бедный класс имеет в Хаундсдече хорошо устроенный и обширный ветошный рынок, где за пенни можно купить пару башмаков, вы в целом мире напрасно будете искать такого рынка, где можно было бы купить башмаки за пятьдесят фунтов, какие-нибудь необыкновенные шляпы по сорока гиней, материю для сотканного золотом велосипедного костюма и вино Клеопатры, по четыре жемчужины на бутылку. Таким образом происходит, что несчастный миллионер несет на себе ответственность чрезмерного богатства, не имея возможности доставить себе больше удовольствий, чем какой-нибудь обыкновенный богатый человек. И действительно: в некотором отношении он не может наслаждаться большим, чем многие бедные люди, и даже иногда не может наслаждаться так же, как они; так как какой-нибудь тамбурмажор одет красивее, чем он: а конюшенный мальчик тренера ездит часто на лучшей лошади; наилучшие экипажи нанимаются приказчиками, которые вывозят по вечерам своих молодых дам; каждый, кто ездит в воскресенье в Брайтон, пользуется пульмановским вагоном; и что за радость иметь возможность заплатить за павлиний мозг, когда можно получить только ветчину или ростбиф.

Несправедливости такого положения еще не уделялось достаточно внимания. Человек, имеющий годовой доход в двадцать пять фунтов, при удвоении этого дохода может несоразмерно увеличить свой комфорт. Человек, ежегодный доход которого равняется пятидесяти фунтам, может, по крайней мере, вчетверо увеличить свой комфорт, если его доход удвоится. Приблизительно до годового дохода в двести пятьдесят фунтов при удвоении дохода происходит удвоение комфорта. Начиная с этого пункта комфорт возрастает соответственно, меньше чем доход до тех пор, пока жертва насыщена и даже пересыщена всеми достижимыми при посредстве денег благами. Предполагать, что излишними ста тысячами фунтов можно доставить удовольствие только потому, что люди любят деньги совершенно то же самое, что предполагать, на основании того, что дети любят сладкое, что вы доставите мальчику, служащему у кондитера, удовольствие тем, что на два часа удлините его рабочий день.

Что может предпринять несчастный миллионер, для чего потребовались бы миллионы? Необходим ему морской флот, или целая аллея запряженных четверкой экипажей, или полк служащих, или же целый город домов, или же дикий парк, по величине равный всему земному шару? Может ли он в один вечер посетить более одного театра, или же может он за – раз надеть более одного платья, или же переварить более пищи, чем его камердинер? Разве это удовольствие иметь много денег, которые приносят с собой только заботы и письма о вспомоществовании, которые необходимо читать, и лишают человека тех сладких грез, предаваясь которым бедняк забывает о всех своих лишениях и начинает раздумывать, что он будет делать в том, всегда возможном случае, когда какой-нибудь неизвестный родственник оставит ему состояние. И всё-таки эта скрытая скорбь денежной аристократии не встречает никакого сочувствия. Сочувствуют только бедняку. Везде образуются союзы, имеющие своей целью, поддерживать всех сравнительно счастливых людей, начиная с выпущенных на свободу преступников

в их первом опьянении вновь обретенной свободы, и кончая детьми, наслаждающимися своим неограниченным аппетитом; но ни одна руку не протягивается к миллионеру, кроме как затем, чтобы попросить у него милостыню. Во всем нашем обращении с ним сквозит то невысказываемое заблуждение, что ему не на что жаловаться и что он должен был бы стыдиться того, что он обладает излишними деньгами, тогда как другие нуждаются в них.

В настоящее время миллионеры менее чем когда-либо, в состоянии тратить деньги на себя самих

Необходимо подумать о том, что положение миллионера, с прогрессом культуры, делается все хуже и хуже. Капитал, предпринимательский дух, художественный гений – силы, которые в свое время шли на то, чтобы удовлетворять потребности богатых в прекрасных вещах – идут теперь на удовлетворение потребностей современного пролетариата. Теперь очень выгодно присоединить к торговому дому на Весборн-Грове железную торговлю; и это гораздо выгоднее занятия флорентинского оружейного мастера пятнадцатого столетия. И даже сам миллионер, делаясь директором железной дороги, должен признать, что доход идет не от его собратьев, а исключительно от пассажиров третьего класса. Если он заинтересован в содержании какого-нибудь отеля, то он очень скоро замечает, что с коммерческой точки зрения гораздо выгоднее, указать на дверь какому-нибудь лорду с его свитой, чем хоть, чем-нибудь обидеть проезжего купца или велосипедиста. Он не может получить платья, которое хорошо на нем сидело бы без докучливых примерок, если только он не пойдет к дешевому портному работающему за наличные деньги, платье которого непременно должно хорошо сидеть при первой примерке, чтобы та низкая плата, за которую он работает, приносила ему доход. Вчерашний купец, относившийся подобострастно к богатому человеку и безучастно к работнику, теперь в конкуренции побивается большими торговыми домами, в которых заботливее обслуживают покупателей, берущим на четыре и на десять пенни, чем какой-нибудь важной даме, появляющейся для того, чтобы купить три больших рояля и пригласить четырех француженок-гувернанток. Коротко говоря, магазины, которые ждут «богатого человека» и рассчитывают на него, можно теперь встретить только в немногих особенных отраслях торговли, с которыми в жизни мы имеем дело лишь очень редко. Для обыденных целей, покупатель, потребляющий больше, чем другие люди так же нежелателен и также мало достоин внимания, как и покупатель, потребляющий менее других людей. Миллионер может иметь самое лучшее из того, что существует на рынке, но это не создает ему никакого преимущества перед скромным обладателем ежегодного дохода в пять тысяч фунтов. И только в одном случае он может создать безмерную, чрезвычайно дорого стоящую торжественность, а именно при своем погребении. Но и этому ничтожному исключению, по всей вероятности, скоро придет конец. Большие акционерные общества погребения и сожжения откажутся хоть несколько расширить имеющееся у них распределение на первый, второй класс и т. д. совершенно так же, как трамвайное общество отказалось бы взять на себя устройство процессии лорд мэра.

Покупатели большой массы до такой степени совершенно завладеют рынком, что миллионер, который, уже теперь принужден девять десятых своей жизни проводить, как ее проводят другие люди, будет принужден и в остальной десятой части идти нога в ногу с остальными.

Почему миллионеры не должны слишком много оставлять своим семьям

Быть миллионером это значит обладать большим количеством денег, чем человек в состоянии истратить на самого себя и притом ежедневно страдать от невнимания тех людей, которым такое состояние кажется чрезвычайно привлекательным. Что, следовательно, должен

сделать миллионер с своим излишним капиталом? Обычный ответ на это гласит так: сохранить его для своих детей и раздавать милостыню. Но эти два вспомогательные средства в том смысле, как они обыкновенно понимаются, совершенно одно и то же; и к тому же эти средства чрезвычайно губительны. С точки зрения общества совершенно безразлично, будет ли личность, освобожденная щедростью миллионера от необходимости работать для поддержания своего существования, его сыном, его зятем, или же случайным нищим.

В первых двух случаях личные ощущения миллионера могут получать большее удовлетворение; но вред для общества и для того, кто получает эти деньги остается одинаковым. Если желают испортить карьеру молодому человеку, то нет более верного средства, как одарить его тем, что называют «независимостью» и что в действительности есть не что иное, как полная зависимость, от работы других людей. Всякий, кто достаточно разумно наблюдает жизнь, чтобы уметь сравнивать среднего человека, имеющего достаточно средств, чтобы быть независимым в ту пору, когда он как раз кончает университет с тем же человеком двадцать лет спустя, когда он во всем своем поведении следует лишь привычкам, может видеть, что в сравнении с такой» жизнью жизнь почталыона есть водоворот всяких волнений, а жизнь полисмена – глава из романа. . . , всякий такой наблюдатель должен был бы неоднократно говорить себе, что для этого человека было бы гораздо лучше, если бы его отец истратил все деньги до последнего пфенинга, или же выбросил бы их в Темзу.

Паразиты

В Ирландии всякого живущего за границей помещика горько упрекают в том, что он не управляет лично своим имением. Нам довольно ясно доказывают, что человек, проживающий свой доход за границей, является настоящим паразитом, пользующимся прилежанием своей страны. Необходимый минимум того присмотра, в котором нуждается поместье, выполняется его заместителем или управляющим, противодействие которого тунеядческой деятельности помещика еще подкрепляется тем фактом, что наибольшая часть поместья обыкновенно принадлежит владельцам закладных, а номинальный владелец имения так несведущ в» своих собственных делах, что не может делать ничего другого, как писать своему управляющему письма с просьбой о высылке денег. В этих поместьях поколения крестьян (и управляющих) ведут тяжелую, но сносную жизнь; тогда как вдалеке от них поколения женщин и мужчин с хорошим воспитанием и естественными задатками превращаются в тунеядцев, расточителей, пьяниц, «радостных наследников», бедных родственников и всякого рода подонков общества, ведут бесцельную жизнь и очень часто кончают грязной и трагической смертью. Но существует ли на земле такая страна, где не происходят подобных крушений? Типичный современный помещик не является ирландским землевладельцем, а космополитическим акционером; и, конечно акционер живет за границей. И поэтому он, чем лучше управляется его имение, делается все более и более полным паразитом своего владения и совершенно так же, как живущий за границей ирландец, он способен сделаться центром деморализации для своих родственников.

Каждый миллионер, оставляющий таким образом все свои миллионы своей семье, подвергает своих невинных потомков такому риску, не обеспечивая им никакого преимущества, которого они не могли бы добиться гораздо действительнее и приятнее своей личной деятельностью, при поддержке благоприятного вступления в жизнь. Прежде подобное рассуждение не имело никакого значения для родителей, так как работа за деньги считалась бесчестной для знатного человека; это воззрение имеет еще и до сих пор в наших отсталых кругах значение по отношению к образованной женщине. Во всех отраслях заработка мы встречаемся с остатками старых предрассудков – примером этому является оставшийся карман на платье адвоката; этот карман прежде служил для того, чтобы туда клали вознаграждение адвокату, который таким образом скрывал продажность своих услуг. Большинство из ныне живущих людей среднего

возраста и отсталых заражены теми или иными предрассудками, с которыми молодые люди не должны более считаться, и на которые они не должны более обращать внимания. Таковы, например, предубеждения, что линия, отделяющая крупную торговлю от мелкой торговли есть в то же время демаркационная линия между двумя разными общественными положениями; или что когда какой-нибудь лорд берет по шиллингу с человека за право осмотра своего замка и парка, то это не то же самое, как если бы он открыл торговлю молоком, дичью и хозяйственными продуктами, или что сын купца, покупающий офицерский патент в аристократическом полку, проявляет этим самым смехотворную претенциозность.

Достоинство труда

Даже и предупреждение против физической работы теперь начинает исчезать. В художественных кругах из нее сделали своего рода культ, когда Рёскин вывел свою оксфордскую школу из закрытого помещений и заставил ее мостить мостовые. Много лет тому назад Диккенсу, во время одного его посещения тюрьмы, пришлось столкнуться с отравителем Уэнрайтом, который для доказательства своего тонкого воспитания, спрашивал своего товарища по камере (насколько я помню – каменщика) видел ли хоть когда-либо, чтобы он (Уэнрайт) спустился до того, чтобы чистить камеру или взять в руки щетку, т. е. коротко говоря, видел ли тот, чтобы он когда-нибудь совершал работу, которую он мог взвалить на плечи своего товарища. И каменщик с гордостью ответил отрицательно на вопрос такого важного товарища. Во время большого ирландского движения против исключительных законов для Ирландии при министерстве Бальфура была произведена попытка возбудить усиленное внимание указанием на преследование ирландских политических преступников, которых, несмотря на то, что они вероятно, были из хороших семей заставляли унижаться до исполнения работы прислуги, и которых заставляли самих чистить свои камеры. Кому было до этого дело? Легко можно было бы увеличить примеры изменения к лучшему общественного мнения в этом направлении. Но нет никакой надобности нагромождать доказательства. И так охотно согласятся допустить, что отец, предоставляющий сына его собственным силам дав ему предварительно воспитание и достаточные средства, совсем не унижает его, не разрушает его надежд жениться на женщине из хорошей семьи и не портит общественного положения его семьи, а напротив, укрепляет его характер и повышает его надежды на профессиональное, политическое, деловое и семейное положение.

Кроме того, общественное мнение, которое делается все строже и строже по отношению к трупям в улье, начинает угрожать введением иного налога на доход, который не является продуктом личного труда, и даже начинает выполнять эту угрозу; так что человек, который, не взирая на протест мудрости старших и здравого гражданского смысла, не жалеет средств для обогащения и вероятной деморализации потомства – относительно заслуг которых общество ничем не гарантировано – делает это, рискуя, что в конце концов, его милостыня совершенно обесценится налогом. Таким образом мы лишаем последнего выхода миллионера, настроенного сочувственно по отношению к общественным интересам, так как теперь нет никакой надобности «заботиться о своей семье». Все что, могут требовать от него его дети, все что ожидает от него общество, все, что приносит пользу ему самому, заключается в наилучшей подготовке, а не в «независимости».

И кроме того существуют миллионеры, у которых нет детей.

Почему подавать милостыню означает бросать деньги на ветер

Так как таким образом у миллионера отнимается всякая возможность, как-нибудь распределить свое наследство, то он, доведенный до крайности, бывает принужден, для того,

чтобы «сделать добро», оставлять значительные суммы обществам заслуживающих доверия людей, что в такой же степени вредно, как и бесцельно; так как что еще могут сделать эти люди, заслуживающие доверия, как не раздать капитал по маленьким суммам тому или другому благотворительному учреждению? Но у меня, конечно, нет никакого желания, заставлять вновь звучать фальшивые струны учения Гредгринда политической экономии; если бы я мог, я безусловно повесил бы в каждой общественной начальной школе копию с картины Уатса, на которой вырисовываются очертания мертвеца из под покрывающего его полотна и на которой написано: «То что скопил я, то потерял я; то что я растратил, тем обладал я; то, что роздал я, то я имею». Но горе тому человеку, который берет у другого, что он может сам себе сделать, и горе тому, кто дает!

Нельзя обойти молчанием того факта, что всегда в тот момент, когда делается попытка организовать благотворительность, доверяя капиталы обществам сведущих людей, убеждаются в том, что все нищие типичные люди: т. е. все они не «почтенные бедняки», а лица, сделавшие открытие, что возможно существовать, если вы просто будете до тех пор наглым образом просить о том, что вам нужно, пока вы этого не получите – и в этом заключается сущность нищенства. Постоянное общество экспертов, которое нелогическим образом побуждается к тому, чтобы употреблять свои капиталы только для «почтенных бедняков», превращается очень скоро в союз, направленный против настоящего нищенства и, следовательно, против настоящей раздачи милостыни. В конце концов их попытка, возникшая первоначально из естественного благожелательства, приводит к граничащему почти с безумием, индивидуализму и к отвращению к обычной «благотворительности», как к одному из худших социальных преступлений. При таких условиях возникает не особенно приятное положение; но ни один разумный человек не может остаться равнодушным при виде той необходимости, с которой проявляется, этот результат на каждом, кто знаком с социальными отношениями нищенства и благотворительности.

«Почтенные бедняки»

Конечно, этим затруднением мы обязаны отчасти теории о «почтенных бедняках». Мне помнится, что однажды в то время, как я ежедневно посещал читальный зал Британского музея, этого превосходного коммунистического учреждения, я дал заработать перепиской два фунта человеку, почтенная бедность которого разжалобила бы даже камень: это был старомодный учитель в отставке, (собственно не по своей вине), в конце концов, основавшийся в читальном зале. Это был трезвый, церемонный и вообще совершенно безупречный человек, говоривший интеллигентным языком, к тому же он был страстным читателем и действительно наиболее подходящим объектом для дела любви.

Первое, что произошло при этих обстоятельствах это то, что он получил от меня пять шиллингов в виде задатка. Второе было то, что он уступил свое дело за и фунт 15 шиллингов, другой находящейся в таких же условиях личности, затем совершенно забыл о нем и снова засел за свои любимые книги. Второе лицо или скорее даже третье, потребовало от того лица, которое только и была известно мне, задатка в полтора шиллинга, чтобы купить бумаги; когда же он получил желаемый задаток, он передал поручение третьему лицу, взявшемуся его исполнить за и фунт 13,6 шиллингов. Эта спекуляция продолжалась один или два дня, работа переходила из рук в руки и, в конце концов, очутилась в руках наименее надежной и наименее воздержанной переписчицы зала*, которая выполнила эту работу фактически за пять шиллингов и, начиная с этого дня до самой своей смерти, просила у меня бесконечно взаймы, сначала по шести пенсов, затем по четыре пенса и, в конце концов, по два пенса. Она не принадлежала к числу почтенных бедняков: если бы она принадлежала к их числу, она бы никогда не могла прийти до такой нищеты. Ея притязания на сострадание заключались в том, что она не могла

быть зависимой, что она не могла устоять против искушения пить, что она не могла себя заставить старательно исполнять свою работу и поэтому ее положение на земле было очень жалким; это положение было совершенно подобно тому, от которого страдает слепой, глухой, калека, сумасшедший или вообще какая-нибудь жертва физических несовершенств или болезней.

Она рассказывала мне, что однажды ее рекомендовали заведующим «Charity Organization Society», но те, после наведенных о ней справок, отказались ей помогать, потому что она оказалась «недостойной» этого, чем эти чиновники хотели выразить, что она не способна, сама себе помочь. Мы имеем здесь очевидно дело с каким-нибудь смешением понятий. Она была ожесточена против Society, и не без основания; так как она знала, что те капиталы, которыми располагало общество, по большей части получались от людей, смотревших на это общество, как на орудие милосердия, направленное в защиту бедных и угнетенных.

С другой же стороны, эти люди сами бессмысленно ограничили применение своих пожертвований, назначив их для раздачи только воздержанным, порядочным и достойным уважения людям, т. е., таким людям, которые меньше других нуждаются в помощи и подарками могут быть только развращены. Если бы какой-нибудь разумный миллионер чувствовал в себе потребность разыгрывать роль друга людей, раздающего милостыню (чем он подверг бы очень большой опасности свой собственный характер), то он должен был бы раздавать свою милостыню исключительно наиболее недостойным, безнадежным, неисправимым легкомысленным тунеядцам и лентяям. Но такая политика очень скоро исчерпала бы средства даже миллиардера. Самые чувствительные жертвователи очень скоро пришли бы к убеждению, что экономически невозможно делать добро нищим. Можно обращаться с ними человеколюбиво, что означает, что их можно покорить, дисциплинировать и заставить исполнять известный минимум работы, в постольку доброжелательной форме, поскольку позволяют образ действия и их собственное энергичное противодействие; но такая благотворительность не дает никакого удовлетворения инстинктом сострадания. Это скорее просто общественная обязанность, такая же, как и принуждение наблюдать за предписаниями, касающимися здоровья, которая должна была бы перейти в общественные руки.

Поддерживаемые частными лицами колонии для 'безработных, как, например, колонии армии спасения в Хедлефе, являются лишь опытами, которые должны будут лечь в основу неизбежного расширения закона о бедных. В настоящее время для бедных настоятельной необходимостью является улучшение закона о них; и эта конечная цель постоянно отодвигается на задний план, благодаря попыткам заменить это улучшение частной благотворительностью. Рассмотрим для примера тот печальный случай с состарившимися бедняками, которые условно не нищие, а лишь поседевшие на службе промышленности люди, которые в большинстве случаев своей жизнью, полной ужасных мучений, заслужили пенсию и по отношению к которым мы можем быть настолько непорядочными, чтобы отказывать им в ней.

Ежегодно нам приходится считаться, по крайней мере, с тремястами пятидесятью тысячами подобных людей. Частными усилиями может быть лишь очень немного сделано для того, чтобы, при посредстве постройки некоторых убежищ для стариков, защитить этих несчастных от жестокости общественных плательщиков налогов: (домовладельцев). Но для бедняков может быть сделано очень много, если несколько встряхнуть общественную совесть и выбирать на должность презрения бедных разумных, человеколюбивых и сведущих людей. Вместо того, чтобы запирали состарившихся супругов по одиночке в рабочие дома, попечители о бедных West Derby (Liverpool) Union'a поместили их в меблированные пригородные домики, в которых они могут, при условии содержать их в порядке и чистоте, жить совершенно спокойно, как в каком-нибудь частном доме презрения. Различие в радости, уюте и самоуважении, которое создается положением в этом домике и в рабочем доме колоссально: различие в содержании выражается менее, чем в двух шиллингах в неделю на каждую чету. Если бы миллионер захотел строить дома презрения он сделал бы гораздо лучше, если бы вместо этого, принял на себе

расходы по постройке и содержанию таких домиков, при условии, чтобы данные попечительства о бедных приняли бы систему West Derby. Это, конечно, привело бы к разорению плательщика налогов; но средний плательщик налогов совершенно бесстыдное создание, громко возмущающееся против безнравственности, которую он видит в том, что кто-нибудь за его счет будет извлекать пользу из попечительства о бедных; с другой же стороны – это создание противное в своей низкой лстивости по отношению к богачу, с своей стороны унижающему его теми подаяниями, которые в виде вспомогательных денег служат для облегчения налогов.

Не жертвуйте ничего на больницы

Больницы являются излюбленным средством для богача, которому его излишние деньги не дают покоя. Но, однако, в данном случае следует выслушать экспертизу здоровой политической экономии: не давай обыкновенной больнице ни одного пфенинга! Опытная клиника это другое дело: миллионер, интересующийся тем, чтобы было доказано, может или должно быть оставлено применение лекарств, мясной пищи, алкоголя, операций при раке и тому подобного, может для этой цели внести временную субсидию, но в благотворительных больницах частная поддержка и частное управление означают не только низведение плательщика налогов на степень нищенства, но и отсутствие всякой ответственности, грубую расточительность (которая изредка прерывается припадками подлой скупости) и бессовестную систему покровительства; далее почти что неограниченную свободу научно воодушевленных врачей в их; опытах над пациентами и, наконец, систематическое попрошайничество о приеме, которое порицалось бы, как совершенно нетерпимое явление, если бы оно произошло при управлении чиновников в общественных учреждениях.

Верное правило для образа действия миллионера заключается в том, что он никогда не должен делать для общественности того (совершенно также, как и для отдельной личности), что сама общественность делает для себя без его вмешательства (потому что она будет принуждена к этому). Сюда относится, главным образом, забота о целесообразном оборудовании больниц. Более чем треть лондонских больниц уже содержится на счет плательщиков налога. В Уорингтоне больничный налог, который в 1887 -88 году равнялся двум пенсам на фунт стерлингов, за пять лет повысился до и шиллинга и 2 пенсов. Если бы какой-нибудь миллиардер вмешался в это дело и взял бы на себя это повышение налога, то он таким образом, просто на просто, непроизводительно растратил свои деньги, которые могли бы быть применены для лучших целей, развратил бы своих соплеменников и, плохими больницами преградил бы путь хорошим. Наша современная система уличного попрошайничества для больниц скоро пойдет по тому же пути, по которому пошел старый закон о бедных; и ни один инвалид-рабочий не получит при этом ни на один пфенинг меньше.

Необходимо быть осторожным при субсидировании воспитательных учреждений

Существует общераспространенное воззрение, что после больниц образование является наиболее достойной целью для пожертвований. Но здесь приходится принимать во внимание те же самые рассуждения. Начальная школа, содержащаяся на частные средства стоит позади школы, содержащейся на государственный счет; следовательно, она не что иное, как ловушка, в которую попадают дети на их пути в общественную школу и таким образом, обрекаются на худшее образование в худших зданиях под партийным руководством. Затем следует университетское образование. Но тогда как весьма легко основать колледжи и профессорские кафедры,

совершенно невозможно ограничить распространение благодеяний этих учреждений только на тех, кто не в состоянии оплатить их.

Кроме того, начинает обнаруживаться, что лица с академическим образованием в общем особенно невежественны и неправильно образованы. Практически равное значение правительствующих и академически образованных классов в Англии привело к совершенно особенному роду ограниченности в английской политике, мастерские ходы которой часто являются не чем иным, как обусловливаемыми образованием ошибками, так что даже наиболее зрелые демократические общества колоний, и наиболее склонные к взяточничеству члены конгресса Соединенных Штатов превосходят наших в искренности, горячности, в понимании социальной гармонии и в действительном знании настоящего.

Разумный миллионер, если он только не враг рода человеческого, не будет способствовать поддержке образования каст, что происходит под видом воспитания в Оксфорде и Кембридже. Если попытки образовательных методов и новых учебных предметов специальных школ, как например, политическую экономию, считать за часть специального школьного образования гражданина (который теперь, благодаря современной демократии, является таким несчастным неискусным дилетантом в своей чрезвычайно важной роли избирателя), или же если считать науку о государственном хозяйстве, торговую статистику и историю промышленности необходимой частой коммерческого образования, получаемого человеком, предназначенным заведовать современными капиталами, то мы будем иметь специальности – несоединимые с достоинством университетов и лежащие за пределами поля зрения общественного образования элементарных школ – , на пользу которых заинтересованный вопросами образования миллионер может плодотворно употребить свои деньги. Не оказывать ничему поддержки, что уже может существовать само по себе: это правило всегда может применяться с успехом. Борьба за существование общества состоит в том, чтобы приспособляться к новым условиям, создаваемым современным промышленным развитием и именно эти усилия требуют помощи. Старые учреждения с их деловой рутинной, с их заржавленными вердиктами и искусственной, в интересах этой рутины созданной внешностью в настоящее время слишком хорошо поддерживаются.

Субсидирование благотворительных обществ

Возражение против замены общественной помощи частной не относится к усилиям частных лиц, пустить в ход общественный механизм. Посмотрим, например, – на общество охранения детей от плохого обращения. Если бы подобное общество сделало своей задачей наказывать жестоких родителей и для этой цели стало бы строить частные тюрьмы и учреждать частные суды, то самые легкомысленные жертвователи, дающие свои деньги на частные благотворительные учреждения и больницы, закачали бы головой и закрыли бы свои кошельки, так как им известно, что для этой цели существуют государственные законы, государственные тюрьмы, государственные суды, которые и должны исполнять исключительно подобные функции. Но для того, чтобы в таких случаях пустить в ход общественный механизм необходимо побуждения со стороны личности, потерпевший вред; и если потерпевшей личностью является ребенок, а тот, кто нанес ему этот вред является «его лучшим другом», тогда машина не двигается. При таких обстоятельствах общество мистера Уэнга, делает много добра если вступает в это дело и берет сторону ребенка и не тем, что оно заменяет государство, или конкурирует с ним, а тем что оно действует с ним вместе и напоминает ему об его обязанностях.

Говоря вообще, все общества могут надеяться приносить пользу, взяв на себя роль наблюдательных комитетов. То пренебрежительное отношение, которое связано с этим именем происходит от старого американского наблюдательного комитета, который, действуя в настоящем духе частного предприятия, не только выслеживал преступников, но и на собственную ответственность подвергал их суду Линча. У нас имеются определенные государственные

чиновники, наблюдающие за порядком: таковы санитарные инспектора, школьные инспектора, государственные адвокаты, прокуроры и другие. Единственный из них, кто во всех отношениях является общественной язвой, это театральный цензор, который вместо исключительного права пользоваться властью, выставлять автора непристойного произведения на общественный суд, обладает властью, приговаривать автора к уничтожению его произведений и приводит приговор в исполнение единолично и на свой собственный страх и совесть, следствием чего является то, что наша драма более нелепа, более искажена и непристойна, чем любая другая часть изящных искусств и наш злосчастный цензор более робок и более беспомощен, чем всякий другой чиновник. Этот случай показывает, что следует делать различия между родами наблюдений. Но тогда, как у нас есть чиновник, запрещающий постановку пьес Толстого, у нас нет чиновника, который ограждал бы от воровства общественные поля и от заваливания пешеходные дороги. Миллионер, который дает городским детям деньги для того, чтобы они имели возможность провести несколько дней на даче, но не субсидирует общества цель которых заключается в том, чтобы поддерживать красоты природы, не заслуживает своих миллионов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.